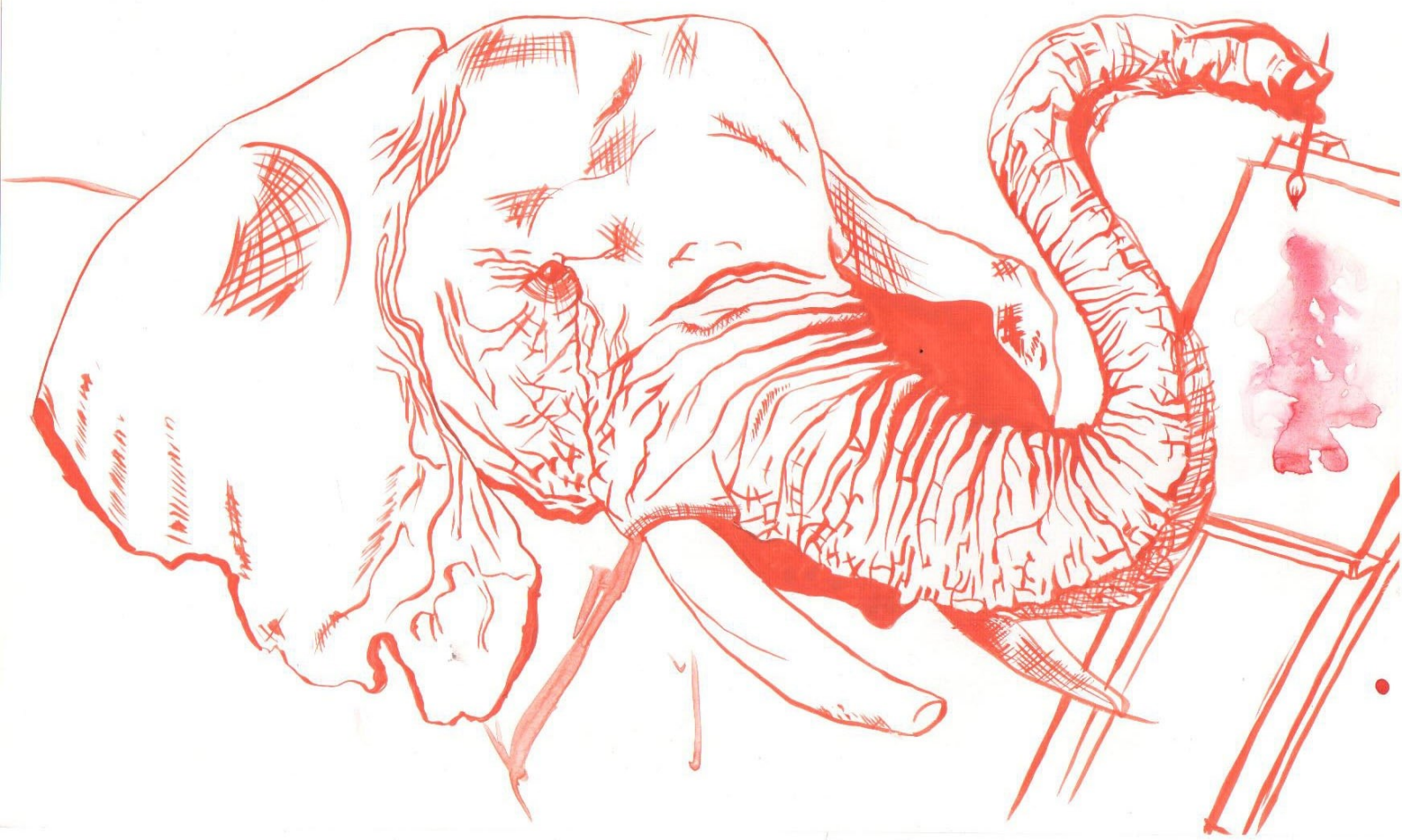

Беседа у каминна № 17

Автор рисунка: Ольга Небожнева

Содержание

От редакции	<u>2</u>
Голосование на рубрику «Выбор читателя»	<u>23</u>

Тексты

Фел-Тян	<u>3</u>
Оксана Горошкина	<u>5</u>
Июния Сосновоборская	<u>7</u>
Антон Белик	<u>10</u>
Анатолий Муравский	<u>13</u>

Рисунки

Ольга Неводнева	<u>Обложка, 9, 12</u>
Ирина Реуцой	<u>6</u>
Анетта Скоробогатько	<u>22</u>

Здравствуйте, дорогие читатели!

Вы только что открыли 17 номер газеты «Беседы у камина», который полностью посвящён одной теме: «Крылья, ноги и хвосты». Мы никак не ожидали, что работ по этой теме будет так мало. Мы с толкнулись с тем, что непосредственно о животных пишут очень мало, как правило, зверей используют как символы или аллегории.

Тем не менее, нам удалось подобрать достаточное количество текстов на тематический номер. После этого их оставалось только дополнить рисунками. Это оказалось значительно легче, рисунки животных есть у многих художников. На страницы апрельского номера попали работы уже знакомых нашим читателям художников: Ирины Реуцой, Ольги Неводневой и Анетты Скоробогатко. Работы Анетты не появлялись в нашей газете уже очень давно, тем радостнее ее возвращение к нам. Кстати, когда-то Анетта активно участвовала в создании газеты.

Несмотря на все препоны, номер о животных получился ярким, красочным и интересным. В нем вы найдете много любопытных текстов, познакомитесь с новыми именами и увидите работы уже полюбившихся вам авторов.

В конце номера появилась очень важная новинка: анонс голосования за тексты в рубрику «Выбор читателя». К этой рубрике все вы, наверняка, уже привыкли. Однако, мало кто участвует в голосованиях. Чтобы исправить этот недочет, мы решили публиковать ссылки на голосования и на тексты непосредственно в номере.

Вот, пожалуй, и все, что мы хотели сказать нашим читателям. Приятного вам чтения!

Всегда ваша Редакция БУКа!

Фел-ман

Кафе «Девять жизней»

Воздух пах свежестью весеннего дождя. Солнышко пригревало спинку. Вывеска кафе «Девять жизней» переливалась в солнечных лучах.

Я осторожно перешла дорогу и поспешила в сторону своего любимого заведения.

«Девять жизней» открывалось ровно в десять утра.

Я тихо прошла через приоткрытую дверь и уверенно пошла за свой любимый столик. Меня уже ждали Барсик, Алиса и Маркиз. Однако сегодня вместе с ними сидела Госпожа Бель.

Мои усики недовольно дернулись. Я не особо любила Госпожу Бель. У ее хозяев слишком странная фантазия. Ну, надо же было кошку так назвать!

— Доброе утро, — мурлычу я, подходя к столу.

Все смотрят на меня.

Барсик подвигается, чтобы я села с ним рядом на мягчайший диванчик, обитый красным бархатом.

— Не думал сегодня встретить тебя здесь, — говорит Маркиз, допивая остаток молока из серебряного блюдца.

Я недовольно дернула ушками и посмотрела на Алису.

Та махнула мне хвостиком в знак приветствия и продолжила дремать на своих лапках.

— И когда ты успела? — спрашивает Барсик.

Я вздохнула.

— Сегодня ночью. Очень глупая смерть. Охотилась за крысой, выскочила на дорогу и попала под машину. А вы?

Барсик пожал плечами и подмигнул мне. Он уже был стар. Кот умер своей естественной смертью. Это его уже седьмая жизнь. И практически всегда он умирал от старости. Хотя Барсик рассказывал, что еще в молодости ему сломала шею хозяйская дочка. Но это была его вторая или даже первая жизнь. После этого Барсик избегал детей.

Маркиз допил молоко и кашлянул.

— Соседка отравила. Жалко. У меня такие хозяева были добрые. Что же их соседской старухе я не нравился? — он недовольно вздохнул и посмотрел в окно, пытаясь не злиться.

Я понимала его. Грустно, когда тебя хотят отравить или убить. Особенно, когда ты никому ничего плохого не делаешь. Свою первую жизнь я прожила не так долго. Полтора года. А потом меня тоже отравили. Грустно было. И не справедливо! Ну почему люди такие жестокие?

Я посмотрела на Алису. Та лениво открыла один глаз и промурлыкала:

— Меня застрелил какой-то мужик. Видимо пьяный был и решил перед друзьями воздушкой похвастаться.

Настала очередь Госпожи Бель.

Мы все уставились на нее.

Та видимо смутилась и отвела взгляд.

— Я захлебнулась, — пробурчала она.

— Как это? — я удивилась.

— Хозяйка перестаралась с мытьем.

— Да, — Барсик вздохнул, — сегодня много посетителей в кафе.

Я провела взглядом вокруг и кивнула.

Почти все столики были заняты. За ними сидели коты разных пород.

Тут к нашему столику подошел официант в красивом черном костюме. Он наполнил тарелочки молоком и принес мне мою любимую жареную печенку.

— Доброе утро, Катерина, — он нежно мне улыбается, и я довольна машу хвостиком.

— Доброе утро, Михаил, как утро?

Он нежно гладит меня за ушком, и я, не в силах удержаться, мурлычу.

— У меня все хорошо. Скоро придет хозяин.

— Спасибо большое.

Михаил уходит, а я накидываюсь на печенку.

«Девять жизней»- необычное кафе. Это кафе волшебное. Именно сюда попадают все погибшие кошки и коты. И именно здесь наш местный Кошачий Бог раздает нам новые жизни.

Все знают, что кот имеет право только на девять жизней. После того, как растратишь все, ты превращаешься в человека.

Например, Михаил. В прошлом он тоже был котом. Говорят, красивым.

В одиннадцать часов приехал Кошачий Бог. Он подходил к столикам и возвращал котам жизни. Я наблюдала за ним и ужасно волновалась. Скоро ведь наступит очередь и нашего столика. Кошачий Бог тоже ходил в человеческом облики. Но только днем. Ночью он превращался в кота и бродил по улицам. Говорят, это потрясающее зрелище. Его седые волосы превращаются в серебряную шерсть, что так прекрасно переливается в свете фонарей. Глаза его горят зеленым светом. Он охраняет наши жизни. Он справедлив и честен. Когда к нему приходим мы, Кошачий Бог ласков и нежен с нами. Мы любим его и восторгаемся его великодушием.

Вскоре и к нашему столику подошел Кошачий Бог. В облике человека он похож на добродушного старика с седыми волосами, заплетенными в тонкую косу. На голове черная шляпа. Сам Кошачий Бог был одет в серый свитер и темные джинсы. На ногах красовались старые кожаные туфли.

— Доброе утро, — говорит он нам.

Мы радостно мурлычем в ответ.

— Ну-ну, — старик тихо засмеялся, — я тоже очень рад вас видеть.

Одним своим прикосновением он возвращал кота к жизни.

Он протянул руку к Барсику.

Это было потрясающее зрелище.

Я люблю смотреть как облик того, к кому прикасался Бог, рассыпался на тысячи маленьких сверкающих пылинок. А потом эти пылинки старик собирал в свой талисман на шее. Это наши смерти. Он собирал их, а взамен отдавал нам жизни.

А потом Бог коснулся меня.

В этот момент ничего не чувствуешь.

А потом...

Вокруг становится невероятно жарко. Тебя сдавливает что-то, и только тьма.

А через пару секунд теплое дыхание кого-то обжигает мою мокрую шерстку.

Я тихо промяукала и пыталась поднять голову. Открыть глазки не могу.

Ах... да...

Я ведь вновь родилась.

Оксана Горошкина

Зеленые кошки

Зеленые кошки на белом снегу —
Как будто маляр нерадивый из плошки
Зеленую краску пролил на бегу,
И вот получились зеленые кошки.

Бордовые кошки в бордовом вине
Таятся и пропагандируют лето.
Глоток — и уже поселились во мне
Незримые кошки бордового цвета.

Белесые кошки белесый пунктир
Рисуют на синей кошачьей дорожке.
Из кошек и кошек построен весь мир!
А ты говоришь мне: "Какие-то кошки..."

Плюшевые зайцы бегут по полю...
Плюшевые... Зайцы... Мне б опять на волю...
Мне б глотнуть свободы — и смотреть сквозь пальцы,
Как бегут по полю плюшевые зайцы...

Автор рисунка: Ирина Рейзой

Юлия Сосновоборская

Подсолнухи

Коза Гусевых Дуська уже вторую неделю караулит соседский забор, над которым задорно раскачиваются на ветру желтые головки подсолнечника. Во всём небольшом пригородном посёлке Подмонастырский только у Коралиных ещё и остались подсолнухи – на других дворах Дуська уже давно похозяйничала.

Так уж повелось с самого основания, что в Подмонастырском коз держат все — от пары škодливых бородатых скотинок на хозяйстве проку не меньше, чем от коровы, а расходы в разы скромнее. Пасти же их никто никогда и не думал — выгонят утром за ворота, и идите себе рогатые на заливной луг сами. Они и ходят, а вечером, вспомнив о доме и хлебушке, сами же возвращаются назад. Верховодит сейчас в козьем сообществе, разумеется, Дуська — она собирает по кривым поселковым улочкам и уводит других утром на реку, она вечером разводит всех по подворьям, и она же выступает зачинщиком всевозможных безобразий. Это под её черномордым предводительством рогатая банда в начале лета этого года ушла по горе в город и там устроила переполох на оживлённой автотрассе, а в середине июля обожрала скороспелую капусту в огороде деда Егора, чей дом стоит особняком у самой реки.

Дуськиной же милостью её хозяйка Алевтина Сергеевна прослыла первой на весь посёлок модницей — дорогую соломенную шляпу с широкими полями коза унесла на рогах из бутика, в который мимоходом завернула, спасаясь от бешеных городских водил. Аккуратно подшив оторвавшуюся ленту, тётка Алевтина на следующий же день попыталась вернуть нечаянное козье приобретение обратно в магазин, и на том погорела — пришлось добрую половину пенсии отдать за никчемную безделицу. Правда, в комплект к злосчастной панаме хозяйка заведения одарила её с барского плеча простеньким светло-бежевым сарафаном, но вылетевших таким образом в трубу денег ей всё одно было жаль. Зато теперь Сергеевна, даже поливая гряды в своём огороде, могла чувствовать себя не менее «прилично прикинутой», как выразилась молоденькая продавщица, чем какая-нибудь средней руки мадам на Лазурном берегу.

— Экая же сволочь ты, Дусянтьевна-темна-темна! — целый месяц потом при каждом удобном случае попрекала тётка козу, почёсывая за ухом, — аж целых пять тыщ из кармана в одночасье своими рожищами вынула. Дуська в ответ лишь игриво бола хозяйку в бок, да требовательно топала задними ногами, выманивая лишний кусочек хлеба.

— Не пили скотину, — с усмешкой оговаривал жену Максим Дмитриевич, — ты старая скупердяйка сама когда бы ещё новым платьем разжиться собралась, а черномазая чертовка тебя враз прибарахлиться сподобила.

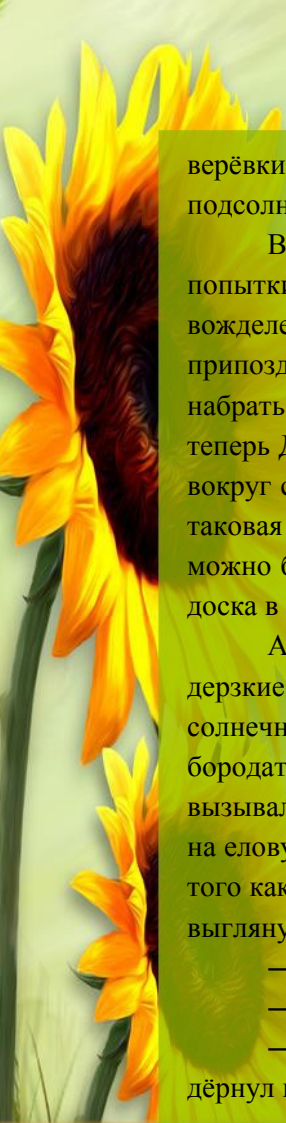
— Вон, Белка у нас какая умница — всегда чистенькая, даром что белая, не бездельница совсем, — кивала Алевтина на Дуськину дочь, — даже не скажешь, что родней этой оторве приходится.

— А молоко я только Дуськино пью, — подытоживал дед, — так что угомонись, мать, не брани почём зря мою кормилицу. А ты, Дуська, в следующий раз будь умнее — штаны подороже на башку тяни, а не всякую ерундень с розочками.

— То у тебя, бессовестный, штанов мало? — возмущалась на такие посылы Сергеевна. — Чему научаешь, и главное — кого — она, и без твоих советов, любому озорнику в вопросах поиска приключений на собственную задницу фору даст.

Обычно вслед за сей тирадой тётка Алевтина припоминала Дуське ещё многое: внучкину мохеровую шапку, которую та сжевала в прошлом году по весне, приняв из-за ярко зелёной окраски за свежую травку, драку с соседским кобелём, утащенную с бельевой

верёвки и вываленную в грязи парадную скатерть, ну и, конечно же, неизбывную любовь к подсолнухам.

Вопросом, как добраться до соседского богатства, Дуська озадачилась давно, но пока все попытки достичь желаемого неизменно оборачивались провалом — отделяющий её от вожделенных солнечных корзинок забор был монолитен и высок. В этом году Коралины припозднились с посадкой подсолнечника — лето уж клонилось к осени, а он у них ещё едва успел набрать головки и зацвести, вызреть же до первых заморозков и вовсе не обещал. Каждый день теперь Дуська, уведя стадо на луг, возвращалась в посёлок и, ровно на привязи, начинала бродить вокруг соседского дома, выискивая любую возможность оказаться по другую сторону ограды. Но таковая всё никак не желала предоставляться — забор был слишком высок для того, чтобы его можно было перепрыгнуть — уж что-что, а этот вариант Дуська проверила многократно, ни одна доска в нём не шевелилась, и ни с одной из сторон к нему ничего не примыкало.

Алевтина Сергеевна берегла соседские подсолнухи от своей козы как могла, выслеживая дерзкие вылазки той в окошко и угоняя её обратно на реку. И всё же в один прекрасный солнечный день Дуська вернулась вечером домой в совершенно солнечном настроении — на бородатой морде её сияла улыбка, а ноги украшали комья засохшей грязи, дух от которой не вызывал сомнений в её происхождении — Коралиным сегодня привезли навоз. Взгромодившись на еловую колоду, что раньше служила основанием небольшого уличного столика, а теперь, после того как его столешница раскололась надвое от старости, просто торчала у ворот, тётка осторожно выглянула из-за своего забора на улицу и тут же запричитала:

— Ах, ты нечисть рогатая, как же мне теперь на глаза-то людям показываться!

— Меееее-ее-ее, — ответила ей Дуська.

— Мыр-ня, — прокомментировал ситуацию трущий о Дуськино вымя кот и презрительно дёрнул пушистым хвостом.

— Васька прав, — отозвался с крыльца дед Максим, отирая кулаком льющиеся сквозь смех слезы, — как раньше казалась, так и впредь будешь — в Дуськиной шляпе.

— Николай, — громко позвала со своего импровизированного насеста, завидев соседа, тётка Алевтина, — ты уж не серчай, прости Христа ради — сожрала наша оторва твои подсолнухи, по куче навозной, видать, взобралась наверх и сожрала.

Сосед Николай Андреевич — местный ветеринар — только рукой махнул ей в ответ, дескать «не сержусь, отстань», а Сергеевна все не унималась:

— Если мы чем можем компенсировать урон, так скажи!

— Я бы и сам ей их отдал, — не выдержав, рассмеялся Андреевич, — да ворованное вкуснее, то и велел вывалить навоз так, чтобы ей сподручнее до них добраться было.

— Счастливая ты, Дусянтьевна, — улыбнулась тётка Алевтина, слезая с колоды, — любая мырня тебе с рук, вернее с копыт, сходит.

— Ме-ее, — согласилась коза, засовывая узкую чёрную морду в большой карман на переднике хозяйки в поисках чего-нибудь вкусного.

Больше в этом году Дуська не чудила — вела себя прилично, впрочем, как и всегда по осени, когда в Подмонастырском привычно не остаётся во дворах ни одного подсолнуха. Но это только до следующего года, ведь по новой весне кто-нибудь опять незнамо зачем посадит в тёплую землю крупные семена солнечного цветка, которым, как пить дать, не суждено дать плоды — уж за чем-чем, а за этим Дуська проследит всенепременно.

Автор рисунков: Ольга Неваднева

Антон Белик

Договор

Автор иллюстрации Антон Белик

День подходил к концу, и солнце уже на половину скрылось за горизонтом, поросшим жесткой желтой травой. Подул прохладный ветерок, немного разогнавший горячий дневной туман, и бесчисленные стада копытных потянулись на вечерний водопой. Рядом с ними шли большие хищные кошки, они мирно брели по израненной зноем земле, ведь их охота заканчивалась с заходом солнца. С наступлением темноты начиналось время других охотников тех, что не обладают скоростью и стремительным броском. Ночью саванна будет принадлежать только им, и в это время смерть будет приходить незваной — страшно проснуться, почувствовав холод ножа, скользящего по твоему горлу. Но на рассвете они спрячутся в глубокие норы, скроются во влажной тьме пещер, и большие кошки вновь величаво выйдут на свою кровавую охоту. Таков был порядок, установленный их саблезубыми предками, и так повторялось изо дня в день на протяжении веков

Но сегодня древнее правило было неожиданно нарушено. Сын большой кошки почему-то отстал от сородичей и затаился в зарослях колючего кустарника, тоскливо поглядывая по сторонам. Он испуган и в тоже время полон какой-то отчаянной решимости, когда смотрит сквозь кривые шипы как его мать, отец, братья и сестры уходят в сторону заката.

Короткая светлая шерстка котенка испачкана россыпью красных точек. Это его кровь. Оба бока расчерчены багровыми полосами, оставленными острыми колючками, мордочка в пыли, а задняя лапка перебита, и из раны торчит кость.

Детеныш ждет темноты, чтобы под покровом ночи найти гиену-торговку. Только так у него останется хотя бы мизерный шанс не повторить судьбу своего брата, который, получив тяжелую рану, был всеми брошен. Никто не пришел ему тогда на помощь, и в конце его растерзали уродливые лысые птицы. Большие кошки живут по суровым законам, и в их мире гибель одного не является такой уж страшной потерей для рода. Тем более если он слаб и не может охотиться.

Солнце, моргнув напоследок красным, ушло на покой, и все вокруг мгновенно погрузилось во мрак. Дневные тени ожили, зашевелились, пробуждаясь от сна, и одновременно заговорили тысячью странных голосов. Во тьме хохот сменялся плачем, и детеныш вжался в землю от страха, когда одна из этих теней остановилась совсем рядом. Почувяв кровь, она нагло сунула морду в самую середину куста. Котенок отполз назад, обожженный жарким дыханием зверя. Но тут кто-то тонко закричал совсем рядом, и хищник мгновенно поднял голову на звук. Неподалеку что-то громко захрустело, и тут же тень с протяжным воем кинулась туда, исчезнув в ночи.

Когда взошла луна, детеныш переборол себя и выбрался из своего убежища. Крадучись, пробираясь он от камня к камню, от куста к кусту, и идти пришлось долго. Когда он добрался до пещеры, где жила гиена, ночная тьма уже начала рассеиваться, превратившись во влажные сумерки, как бывает перед рассветом.

Торговка спала перед входом, положив морду на тощие лапы. Она была очень стара и жила здесь с начала времен. О ней ходило много странных историй, ее боялись и ненавидели, матери пугали детей ее именем. Впрочем, гиене было все равно, она была такой старой, что ей уже не было дела ни до кого, кроме себя.

Котенок подполз близко, так близко, что стало видно, как во сне подергиваются складки ее морды. Что дальше делать он не знал. Детенышу было страшно тревожить сон торговки, поэтому он просто лег рядом, боясь даже пошевелиться. Так прошло несколько минут, а потом гиена открыла глаза.

— Чего тебе надо сын большой кошки?

— Я пришел к тебе... и я хотел... — он буквально сжался в комок под ее тоскливым взглядом.

— Знаю, знаю... а еще знаю, что мне все равно! Ты ничего не стоишь, убирайся, — гиена закрыла глаза, желая показать, что разговор закончен.

Котенок стал ждать дальше.

— Ты еще здесь? — в голосе торговки было только равнодушие.

— Да.

— Ты еще мал, а следовательно многого не понимаешь, сын большой кошки... К чему ты мне? — гиена села и протяжно зевнула, показав желтые клыки. — Возвращайся откуда пришел и умри с достоинством, разве не учила тебя этому твоя мамаша?

— Нет, не учила, — котенок окончательно смутился, — нисколько не учила.

— Что ж, это совсем меняет дело! — гиена встрепенулась. — Так чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы моя лапа... ну зажала, чтобы выздороветь сразу, сейчас же!

— Весьма оригинальное желание, следует заметить. Судя по твоему виду, конечно, — она лениво почесала облезлый бок. — Может быть, что-нибудь еще, что-нибудь дополнительно, в плюс так сказать: хочешь ты стать самым сильным, или самым быстрым, например?

— Было бы, конечно, здорово сразу стать большим и сильным, чтобы меня все боялись... — детеныш мечтательно зажмурился. — Но я ведь могу добавить к своему желанию и это? — Само собой! Это твое право, — в ее глазах заплясали веселые зеленые огоньки, — впрочем, может еще чего-нибудь?

Какой-то во всем этом был подвох - котенок почувствовал и засомневался.

— Хватит, наверное... Но мое желание — ты сделаешь точно так, как я просил?

— Естественно! Я сделаю тебя таким, как ты хотел! — задорное пламя снова сверкнуло во взгляде торговки. — Абсолютно здоровым и к тому же большим и сильным. Неплохо для первого раза, правда ведь?

— Ну, да... неплохо, я думаю.

— Ну, и, само собой, раз ты такой сильный, то тебя все будут бояться, — гиена снова широко зевнула. — Об этом ты тоже решил меня попросить, не так ли?

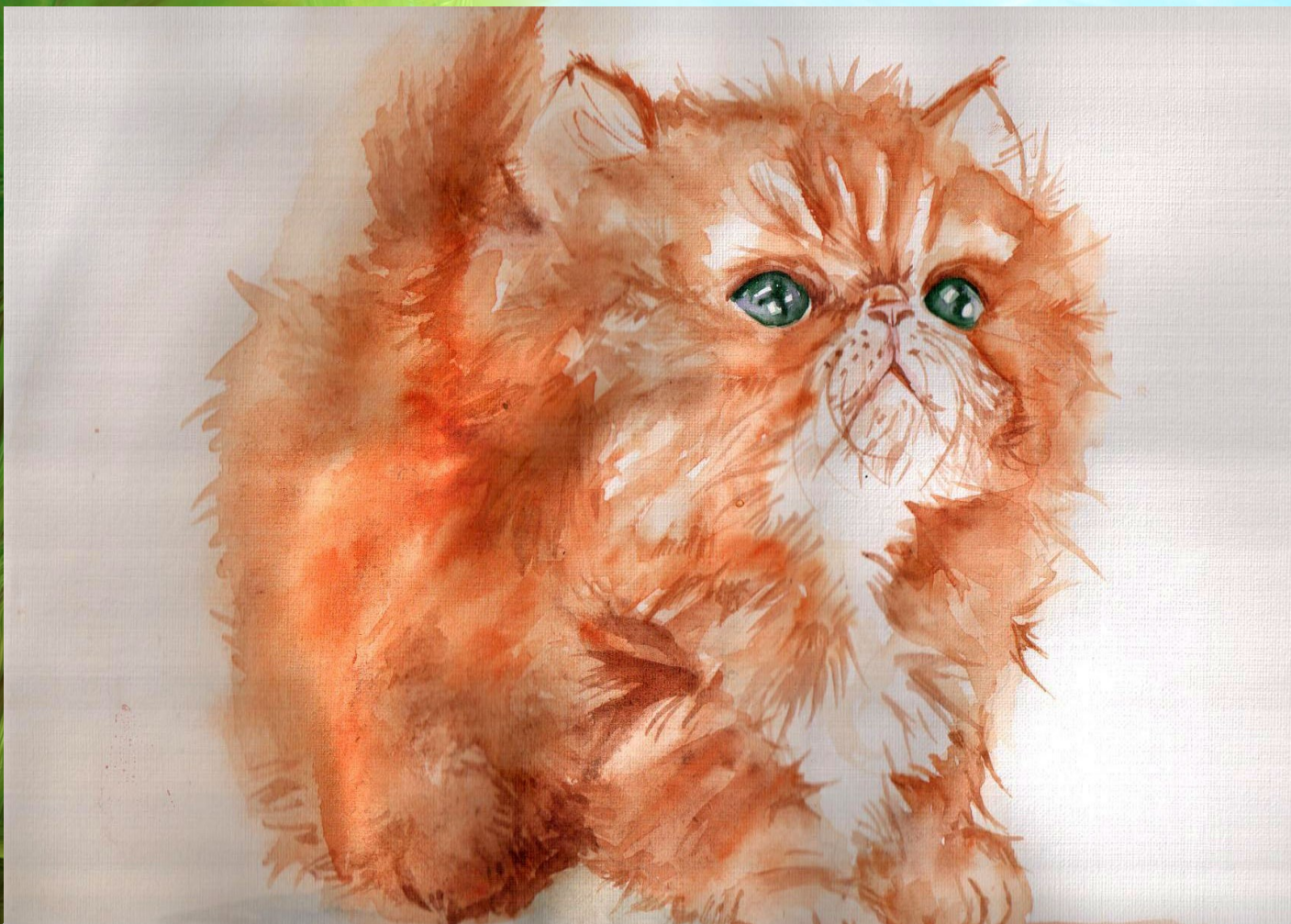
— Да, конечно!

— Ну, тогда ... — гиена хитро прищурилась и прокаркала в темноту несколько слов.

Большая серая рыба судорожно билась в ночной пыли, большая хищная рыба — три ряда зубов, острые треугольники плавников, полтонны силы и ловкости. И даже сейчас она внушает некий уважительный трепет, несмотря на то, что абсолютно беззащитна. Как жаль, что всего через пару минут ночная прохлада окончательно сожжет ей жабры, и она задохнется...

Об этом думала гиена, стоя над умирающим морским чудовищем. Но как всегда торжественность момента была безнадежно испорчена. Ее ночная охота была не очень удачной, и гиена жутко хотела есть. А вскоре на запах свежей крови к пещере торговки сбегались и другие местные падальщики. И когда взошло солнце, от большой серой рыбы не осталось даже чешуи.

Автор рисунков: Ольга Небогинева

Анатоль Муравский

Сергей

1.

В одной геологоразведочной партии, расположенной за Полярным Кругом в Якутии, произошла история, в стиле романа Джека Лондона «Белый Клык». Эту историю я вам расскажу в том виде, в каком мне довелось услышать ее от главного героя тех событий.

Итак, во-первых, позвольте познакомить вас с главным героем нашей истории. Зовут его Иван Михайлович Орлов. Это мужчина в возрасте семидесяти лет, в свое время осужденный по 58 статье и сосланный на золотые прииски Якутии. После реабилитации в 1961 году он не стал возвращаться в Москву, где жил до ареста, поскольку его родители погибли на войне. Свою же семью до ареста он завести не успел. После реабилитации он устроился на работу взрывником в геологоразведочную партию. Несмотря на возраст это был крепкий мужчина, привыкший жить в тайге, где у него было четыре зимовья на разных ручьях и речушках. Там он жил в межсезонный период, и когда в бригаде объявляли выходной.

А началась наша история середине 80-х в марте месяце, когда горняки заезжали на новый участок горных работ, который располагался в сопках Верхоянского хребта.

2.

Перед началом сезона горный мастер Павлов Борис Петрович собрал всю бригаду, чтобы обсудить организационные мероприятия.

— Михалыч, — обратился он к Орлову, который как раз пришел из тайги на базу партии, чтобы запаситься продуктами для своего зимовья, — ты в этом сезоне еще поработаешь?

— Если еще не надоел, то могу и поработать, — ответил Орлов.

— Тогда мы сделаем так, — продолжил Борис Петрович, — нам дают два бульдозера для завозки на участок. За один мы зацепим два вагончика, а за другой один вагончик и склад взрывчатых материалов. Кто желает отправиться на сопровождение тракторного поезда?

— Мы, — ответили молодые ребята, приехавшие вместе работать в партию после армии. Это были проходчики Власов Петр, Сергеев Вадим, Максимов Андрей и Громов Семен.

— Хорошо. А сопровождать склад ВМ будет Жуков.

Илья Жуков работал взрывником и заведующим складом ВМ по совместительству.

— За старшего я поеду сам. Остальные останутся на базе и будут ждать сообщения с участка, что склад ВМ установлен. И после этого вместе с взрывчаткой вылетят вертолетом уже на работы.

— А где будет новый участок, — спросил Орлов, — а то у меня на зимовье осталась Тайга со щенками, мне нужно будет ее забрать с собой.

— Участок будет в пятнадцати километрах от базы в сторону Красной Горки и трех километрах от речки на каменистой сопке, — ответил Петрович.

— Ну, тогда я пойду к себе на зимовье. Эту сопку я знаю. И мое зимовье в том же районе на берегу речки. Оттуда и приду на участок.

Утром рано Орлов вместе со своим верным псом Туманом отправился к своему зимовью, где его дожидалась Тайга с тремя щенятами. Он шел на лыжах по тайге напрямки к своему зимовью. По дороге ему дважды попадался медвежий след.

«Что-то рановато поднялся косолапый», — подумал он.

Туман бежал впереди и временами выгонял из кустов зайцев и куропаток. Примерно за пять километров до зимовья они наткнулись на замерзший, полу-обглоданный труп волчицы. Еще через полкилометра Туман наткнулся на волчье логово, в котором находились

волчата. Всего в логове было четыре волчонка, но три уже были околевшие, и только один еле слышно попискивал.

Михайлович вытащил еле живого волчонка, засунул его себе за пазуху и, приговаривая: «Ничего, Тайга тебя выкормит», — пошел дальше. Когда Михалыч пришел к зимовью, Тайга радостно прыгнула ему на грудь, но почуяв волчий запах, отскочила назад и злобно зарычала, подняв на загривке шерсть дыбом.

— Не рычи, не рычи. Пойдем лучше в избушку, — позвал он Тайгу, открывая двери. Тайга послушно зашла в зимовье, а следом за ней неуклюже ковыляли и щенки.

— На вот посмотри, какое несмышленое дитя я принес, покорми лучше его, — обращался Михалыч к своей собаке, подсовывая к ней волчонка.

Тайга недовольно ворчала, но уже не огрызалась. А волчонок, наткнувшись на мягкую шерсть суки, принялся искать ее соски, и как только обнаружил сосок, стал жадно сосать молоко. Тайга постепенно успокоилась, и уже ее сосало четыре щенка. Наевшись, щенки стали играть между собой; а волчонок притих, уткнувшись в живот собаки. Временами он снова начинал сосать ее, и снова затихал.

Так началась жизнь Волчонка среди людей в собачьей семье.

Михалыч затопил печку в зимовье. Затем взял топор и сходил на речку за льдом. Потом сварил себе кусок оленины и чифирь. Поел, выпил чифирю и, со словами: «Завтра нужно будет сходить проверить капканы», лег на нары. Уснул он сразу, как только голова коснулась подушки. И не потому, что устал, а потому, что так его выучила жизнь. Сначала в лагере заключенных, а затем жизнь в тайге. Однако спал он чутко, и стоило Туману, который спал в своей будке, залаять, как Михалыч поднял голову и прислушался. Где-то недалеко слышно было, как гудит трактор. «Значит, сегодня они доберутся до места, — подумал Михалыч, — День-два на обустройство и будут заказывать вертолет».

— Значит, как прилетит вертолет, так и пойдем на участок, — сказал он, обращаясь к Тайге.

Волчонок быстро набирался сил и уже через пару дней стал принимать участие в свалке со щенками. Тайга тоже привыкла к нему, и уже не отделяла его от своих детенышей.

На четвертый день Михалыч еще издали услышал звук вертолета и вышел на чистое место, чтобы посмотреть направление его полета.

— Я так и думал, — проговорил он, обращаясь к Туману, — участок там, где мы в прошлом году нашли самородок.

Он вернулся к зимовью, посмотрел на Тайгу, на щенят и сказал:

— Я вас с собой пока не буду брать на участок. Надо чтобы малыши окрепли. Буду по утрам приходить и проведывать вас. А ты учи щенят охотиться, — давал наказ он своей верной собаке, — Туман тоже будет помогать тебе.

Он подозвал к себе Тумана.

Проводишь меня на участок, а потом вернешься к Тайге. А теперь давай собираться в путь. Нам нужно на участок прийти до наступления темноты.

Когда Михалыч пришел на участок, в вагончиках топились печки, а проходчики готовили инструмент к работам. Орлов зашел в свой вагончик. Обычно он жил вместе с горным мастером, геологом и вторым взрывником.

— Привет, Михалыч, — поздоровался Илья, — садись чай пить.

— Здорово! — ответил Михалыч, — Чайку с удовольствием с морозца хлебну. Заодно можно строганинки к чаю сварганить. У меня есть хариус и оленинка. Что строгать будем?

— А давай ка оленинку строганем, — предложил Борис Петрович, — сейчас я приправку сделаю.

— Саня, — обратился он к геологу Александру Дееву, — подай тарелку и соль с

перцем.

За чаем, Петрович спросил у Орлова:

— Легко нас нашел?

— А чего искать-то было. Я видел, куда пролетел вертолет. Да и дым из лагеря далеко стелется по тайге.

— Собаки то твои где? — спросил Илья, — может им тоже дать мяса?

— Собак я оставил на зимовье. По дороге с базы подобрал полумертвого волчонка, теперь Тайга его выхаживает. Буду пока по утрам ходить на зимовье, и возвращаться к окончанию бурения шпуров.

Вот так начиналась эта история.

Орлов рано утром уходил на зимовье и проверял, как растут щенки и волчонок. После обеда возвращался на участок, затем проводил взрывные работы. А утром снова на зимовье. Так прошла неделя. За это время волчонок окреп настолько, что спокойно сбивал с ног щенков Тайги и по снегу бегал намного быстрее их. Тогда Михалыч и забрал всех своих собак на участок.

— А волчара-то будет покрупнее твоих собак, — сказал Петрович, когда Орлов появился на участке. Ты всех себе будешь оставлять или может, мне подаришь одного щенка или волка.

— Нет, Серого я никому не отдам. Можешь забрать сучку или любого из кобельков.

— Тогда я возьму вот этого, покрупнее. Как его зовут?

— Как назовешь, так и будет зваться. Я пока только волчонку имя дал.

Тайга сразу расчистила лапами снег под вагончиком и позвала своих детенышей знакомиться с новым жильем. Вскоре под вагончиком была слышна возня щенков и волчонка. Туман выбрал себе место жительства под входным трапом.

Вечером после работы к Орлову подошел самый старший из проходчиков Егор Забелин.

— Отдай мне волчонка, я его заберу на материк.

— Серого я никому не отдам. Да он и не пойдет ни к кому.

— Почему? Он же еще маленький и возится со щенятами, как собака.

— Это он возится с ними потому, что одну мать сосали. И меня признает потому, что видел меня постоянно с Тайгой.

— Тогда я возьму сучку. Не возражаешь?

— Да нет. Можешь забрать даже двоих, мне одного Серого достаточно.

— Я заберу только сучку, — сказал он и, протянув руку к сучке, стал ее подзывать к себе. Щенки перестали кувыркаться и стали внимательно наблюдать за чужим человеком. А волчонок оскалился и злобно зарычал.

— Ты глянь, какой защитник. А зубы то смотри, какие острые и белые. Да если хватит за руку, так и оттяпает за милую душу.

— Серый! Успокойся, фу...

Волчонок сразу замолчал и залез под вагончик, а Егор схватил за загривок сучку и пошел к своему вагончику. А на следующий день забрали и последнего щенка. Серый остался один с Тайгой и тоскливо скулил под вагончиком...

Михалыч ежедневно до начала взрывных работ бродил с ружьем по тайге с собаками и приучал Серого к охоте. Так шли дни, недели, месяцы.

Наступило Полярное лето. Горняки перешли на проходку канав в ночное время, поскольку, во-первых, не так жарко и легче работать. А во-вторых, ночью меньше оползают борта канавы и лучше качество отбора проб.

Михалыч как всегда ходил на охоту со своими собаками, но при себе их не удерживал. Иногда собаки далеко убегали в тайгу. И только Серый постоянно находился рядом. Теперь это был уже крупный молодой волк, имеющий кроме природных инстинктов еще и собачьи

повадки. В тайге он был очень осторожен и всегда был готов на защиту своего хозяина.

3.

После окончания горного сезона Михалыч отправился снова в тайгу по своим местам. Он мог неделю жить в одном зимовье, потом перебраться в другое. В каждом зимовье он готовил на зиму запасы: солил, коптил, вялил, сушил рыбу и мясо. Все запасы, укрытые марлей, он размещал под навесом. А соленья прятал в импровизированный ледник, это была закопанная в землю под невысоким навесом бочка, обложенная мхом и льдом. В условиях вечной мерзлоты такой ледник хорошо сохранял продукты, не хуже морозильной камеры.

Один раз в месяц Михалыч появлялся со своими собаками и волком на базе партии, чтобы закупить продукты, спички, свечи, набрать в канистру керосина для лампы. При его появлении в поселке поднимался дикий лай и вой местных собак. На которые Серый не обращал никакого внимания. И только три собаки, это Тайфун Бориса Петровича Павлова, Буран Семена Громова и Белка Егора Забелина с радостным лаем выбегали навстречу Серому. Он приветливо обнюхивал их и признавал за ними право следовать рядом, и даже иногда куснуть за ухо. В таких случаях Серый своей лапой сбивал задиру с ног, и начиналась дружеская возня. При этом Серый не забывал следовать за хозяином. Зато когда хозяин заходил к кому-нибудь в гости или в магазин, Серый позволял себе вволю поиграть со своими братьями и сестрой. Когда Михалыч оставался ночевать, тогда вся компания устраивалась возле крылечка его избушки.

Избушка Михалыча на базе партии ничем не отличался от его таежных жилищ. Большая часть жилья в поселке состояла из вахтовых вагончиков и армейских палаток шатерного типа с утеплителем. На окраинах, в так называемом «Шанхае», стояли рубленые домики таежного типа. Избушка же Михалыча стояла на отшибе у самой кромки леса.

Однажды ночью, когда Михалыч остался ночевать на базе партии, а вся псарня устроилась возле его избушки; на свою беду в поселок забрел шатун. И ладно бы где-то с другой стороны, так нет же, как раз напротив избушки Михалыча. Легкий ветерок тянул в сторону поселка, и Серый первым учуял запах приближающегося медведя. Он привстал, и прислушался. Потом оскалив клыки, тихонько зарычал, как бы предупреждая собак: «Держите языки за зубами. Ветер на нас и медведь нас не чувствует. Пусть подойдет поближе, и тогда мы зададим ему трепку».

Медведь не догадывался, что его ждет. Чувство голода выгнало его из леса в поисках пищи. И теперь он держал курс в поселок метрах в десяти от избушки Михалыча. Наша компания пропустила шатуна мимо, и с диким рычанием и лаем набросилась на него. Медведь не ожидал такого поворота событий: пять охотничьих собак и волк окружили его. Схватка была не очень долгой, ведь шатун был слаб от голода, а собаки и волк сыты и здоровы. Когда схватка завершилась, и медведь затих, Туман подошел к нему и, повернувшись задом, стал загребать труп со злым рычанием. Это рычание можно было понять как «Зимой спать нужно, а не шататься по лесу, а тем более по поселкам».

Утром Михалыч увидел труп медведя, и сразу осмотрел своих защитников. У Серого было порвано ухо, у Белки разодрана передняя правая лапа, у Тайфуна и Тумана остался след медвежьих когтей на хребте. Но больше всех не повезло Тайге: у нее была сломана левая передняя лапа. Пока Михалыч приспособливал самодельную шину на лапу Тайги, у трупа шатуна собралась целая свора поселковых собак и давай ее рвать на части с диким рычанием. А герои ночных событий лениво наблюдали за этими собаками и зализывали свои раны.

— Ну, Михалыч, твои собаки настоящие медвежатники, — говорил начальник партии Зорин Игорь Львович, — если бы не они, неизвестно что бы натворил этот шатун. Спасибо тебе и им, конечно. Ты в поселке останешься или опять в тайгу?

— Нет. Теперь побуду на базе, пока подживет лапа у Тайги. Сейчас ей будет тяжело по

снегу с одной лапой-то. А вместо спасибо, Львович, ты мне на мое зимовье выделил бы приемник.

— Добре! Есть на складе один ВЭФ, скажу Петровичу, чтобы выписал себе в подотчет.

Через неделю Михалыч снял свою шину с лапы Тайги. Она сначала с опаской, а потом все увереннее стала наступать на сломанную лапу. Еще через неделю Михалыч собрался к себе на зимовье. Но прежде чем уйти, он зашел к начальнику.

— Львович, пригласи ка главного геолога, поговорить надо.

— Света, — крикнул Зорин секретарше, — пригласи ко мне Вадима Григорьевича.

— Что ты хотел рассказать? — спросил Игорь Львович у Орлова, когда в кабинет зашел Вадим Григорьевич Шутов.

Иван Михайлович вытащил из кармана носовой платок, положил на стол и развернул.

— Ого!- удивился Вадим Григорьевич, — Где ты взял этот самородок?

— На Тирехтяхе, недалеко от устья Ударника. Этот самородок откопал Серый, когда пытался достать из норы еврашку, примерно в трех километрах на север от моего зимовья. Я не геолог, но думаю, что там стоило бы провести поиски.

— Невероятно, — удивлялся Шутов, — ведь там уже проводились поиски. Сейчас, одну минуту, я возьму карту, — и он вышел.

— Показывай, где это, — положил он карту на стол.

— Вот под этой сопкой, — ткнул Михалыч пальцем в карту.

— Не может этого быть. Смотри, вот отмечено, в 1965 году здесь были проведены поисковые работы. Видишь, отмечено на карте: шурф № 122/65, пусто.

— Возможно, нужно провести доразведку, — проговорил Игорь Львович, — Давай ка, Григорич, летом проверим этот участок, и если что, будем писать проект на доразведку.

Потом повернулся к Орлову и проговорил:

— Спасибо, Михалыч, за честность. Другой бы припрятал этот самородок и продал на Материке за бешеные деньги. В нем наверно грамм сто будет.

— А на кой ляд мне эти деньги. Ты помнишь, когда я последний раз получал зарплату? Нет. Вот и я не помню. Отдал все в магазин, когда кончатся, мне Валентина скажет. Тогда еще возьму. Куда они мне. Ладно. Пойду я, а то собаки уже заскучали по охоте. Если не передумаете брать на горный сезон, передайте с рыбаками или охотниками весточку. Пока, — и Михалыч вышел из конторы

4.

Летом Орлов снова работал в своей бригаде. В этот сезон участок располагался на самой Красной горке. С базы партии на участок завезли только склад ВМ и свои вещи, да металлических две печки с трубами. Бригада разместилась в одном Дальстроевском бараке, установив в нем две печки, поскольку барак был большой — шесть на двенадцать метров. Эти бараки были построены без единого гвоздя, из-под топора. Полы и перекрытие было выполнены из обтесанных лиственниц, диаметром до 20 сантиметров.

Когда в бригаде делали выходные, молодежь лазила по баракам. Они обыскивали потолки и полы в бараках, надеясь найти припрятанное Эками золотишко. Но находили лишь старые газеты с портретами Сталина и военными сводками. Однажды под полом нашли саперную лопатку американского производства из нержавеющей стали. В другой раз нашли блестящий, отполированный топор острый, как бритва, и пачку папирос «Звезда». Табак в папиросах был настолько крепок, что многие от первой затяжки закашлялись до слез.

— Где-то еще должна быть припрятана газета с известием о расстреле Бирии, — говорил Михалыч, — официально нам объявили, что Берия признан врагом народа только в 60-м

году. А до этого держали все в тайне. Но кто-то где-то достал газету с сообщением, что Берия арестован и расстрелян, как враг народа. Мы ее тайком читали, и где-то она должна быть здесь спрятана.

Однако этой газеты так и не нашли.

В обычные дни бригада работала на своих канавах, а их собаки все вместе крутились недалеко по тайге, распугивая зайцев и птиц. А однажды притащили к костру канавщиков тушу молодого олененка.

— Ну, спасибо за мясо, — поблагодарил собак Борис Петрович, — такой сворой вы настоящая стая, да еще во главе с волком.

А эта стая разлеглась вокруг костра, и отдыхала от азартной охоты...

5.

Сезон окончен, бригада горняков выехала на базу партии, а Михалыч со своим отрядом снова отправился по своим зимовкам. Как всегда он запасался пропитанием на зиму с таким расчетом, чтобы можно было самые холодные дни не ходить на охоту или рыбалку. Хотя на рыбалку зимой он ходил только тогда, когда к нему в зимовье приходили рыбаки с базы партии. И тогда он составлял им компанию.

Если же мороз до 50-ти или чуть более, Михалыч бродил по тайге. Проверял капканы, ставил петли на коз и баранов. Серый всегда находился рядом и днем и ночью. Иногда, правда, в морозы, когда на небе светило Северное Сияние он отходил от зимовья на берег речки и выл задрав морду к небу. В остальном он ничем не отличался от Тайги и Тумана.

Один раз в месяц он ходил на базу партии, где сдавал добытые шкурки на склад; закупал продукты и снова уходил в тайгу. Его совсем не интересовало, кому и куда потом сдаются его шкурки, а тем более по какой цене.

После очередного посещения базы, Михалыч отправился на дальнее зимовье, в районе которого он охотился на соболя и песца. Собаки, как всегда убежали вперед, а Серый крутился недалеко от хозяина. Когда идти оставалось километра три — четыре, Михалыч услышал выстрел со стороны зимовья. Он насторожился, а Серый оскалив пасть, рванул вперед. Через некоторое время Михалыч услышал, как загудел двигатель машины.

Подойдя к зимовью, он увидел на снегу окровавленное тело Тумана. Рядом сидела Тайга и жалобно скулила. Серого нигде не было видно. Осмотрев Тумана, Михалыч тяжело вздохнул и проговорил:

— Ты честно служил мне все эти годы. Прости, что не защитил тебя.

Потом он прошел под навес, взял ломик с лопатой и, подойдя к ближайшей лиственнице очистил от снега небольшой участок и стал долбить могилку для своего верного пса. Когда могилка уже практически была готова, возле зимовья появился Серый. Он тяжело дышал. Язык был высунут, чуть ли не до земли, а от шкуры валил пар, как от парового котла.

— Выследил, куда уехала машина, — сделал вывод Михалыч.

Он перетащил яму тело Тумана и закопал его. Затем пошел в зимовье, задавая себе вопрос:

— Кто же тут появился? Кому мои собаки стали мешать? Что ему тут нужно было?

Когда Михалыч открыл дверь, то опешил. В зимовье творился полный погром. Все вещи были раскиданы и перевернуты. Ватные подушка, матрас и одеяло были распороты на мелкие кусочки. Из банок высыпаны на пол все крупы, сахар, соль.

— Что же это такое? Что здесь искали? Неужели золото? — разговаривал Михалыч сам с собой,

— Здесь явно появился чужак. Наши все знают, что я равнодушен к деньгам и золоту. Нужно будет вернуться назад на базу и предупредить начальника. Пусть свяжется с кем надо.

Затем он навел порядок в зимовье. На нары постелил разорванную постель, накрыл

байковым одеялом, которое он принес с базы. Затем затопил печь и стал варить себе еду.

— Хорошо, что я сначала сюда зашел,- подумал он,- а то сейчас бы пришлось есть свои заготовки, да остаться без чифиря.

Он достал из рюкзака продукты, и рассыпал все по банкам. Затем поел, включил свой приемник и стал слушать его. В эфире слышны были хрипы и шипение, изредка прорывались отдельные слова. Покрутив рукоятку настройки, Михалыч махнул рукой, выключил приемник, задул свечку и лег спать, накрывшись полушубком.

Он спал спокойно, уверенный в том, что Тайга и Серый его надежная охрана...

Это было преддверие лихих девяностых...

6.

Всю зиму Михалыч охотился, переходя с одного участка на другой. Его нисколько не пугали лютые морозы, бескрайнее белое безмолвие. Переходя от одного капкана или петли к другому, он постоянно что-то бормотал себе под нос. А если рядом семенил Серый, то он беседовал с ним как с человеком.

Однажды, когда Михалыч собрав свою добычу, направился в поселок, с ним произошел несчастный случай. Дело было так. Тайга, как всегда убежала далеко вперед, а Серый погнался за лисой. Михалыч поторопился за Серым и, огибая небольшой пригорок его левая лыжина неожиданно попала между валунов. Михалыч потерял равновесие и упал, при падении его нога оказалась вывернута в сторону и сломалась. От боли он вскрикнул и потерял сознание.

Серый бросил преследование лисицы, как только услышал крик хозяина. Он подбежал к нему и потянул за рукав, лежащего Михалыча. Михалыч не шевелился, тогда Серый позвал на помощь Тайгу. Когда с громким лаем вернулась Тайга, Михалыч пришел в себя. Ему с трудом удалось высвободить свою травмированную ногу. Он попытался встать, но дикая боль пронзила его ногу, и он снова потерял сознание. Когда к Михалычу вернулось сознание, он позвал Серого и Тайгу.

— Видите, какая беда приключилась со мной,- обратился он к верным своим спутникам, — Идти я не могу. Ты, Серый, останься со мной. А ты, Тайга, беги в поселок за помощью, вперед.

И он подтолкнул Тайгу в направлении поселка.

— Сейчас я попробую сесть на лыжи,- разговаривал он с Серым,- а ты поможешь мне добраться до той листвянки, и я разведу небольшой костер.

Он с большим трудом снял лыжи и, поставив их рядом с собой, перекатился на них. Несколько минут лежал, набираясь сил, затем позвал Серого.

— Давай, Серый, помоги мне добраться до дерева, — просил он волка.

Серый подошел к хозяину. Михалыч набросил на грудь Серого ремень от карабина. Карабин подложил себе под грудь, и обхватил руками.

— Вперед, Серый, поехали.

Серый уперся лапами, и медленно потащил Михалыча к дереву. Михалыч пытался помогать Серому здоровой ногой, но зацепил сломанную и потерял сознание.

Серый дотащил хозяина до лиственницы, затем повернулся к нему, как бы спрашивая: «Что дальше делать, хозяин?», но хозяин молчал. Он был без сознания. И тогда Серый принял самостоятельно решение. Он развернулся и, напрягая все силы, потащил Михалыча в сторону поселка.

В это время Тайга добежала до поселка и сразу же направилась к домику Павлова. Тайфун увидел свою мать и стал радостно прыгать вокруг, допытываясь где Серый и Туман. Но Тайга не обращала внимания на Тайфуна, а громко лаяла и призывала на помощь Петровича. Борис Петрович вышел из дома и спросил:

— Что случилось, Тайга, где хозяин?

Но увидев, что Тайга лает и бросается по направлению к лесу, понял, что она зовет на помощь. Он быстро оделся, взял ружье, лыжи и последовал за Тайгой. На окраине поселка он остановился, и зашел в домик Забелина.

— Быстро собирайся, Егор, — сказал он, — Что-то с Михалычем приключилось. Тайга одна прибежала и зовет на помощь.

Егор без лишних вопросов оделся, взял ружье, и вскоре небольшая группа из двух мужчин и трех собак отправилась в тайгу на помощь Михалычу. Примерно через час, они увидели удивительную картину. Навстречу им, упираясь изо всех сил, медленно двигался Серый. От него валил пар, язык тащился по снегу. Тайга, Тайфун и Белка с радостным лаем бросились навстречу Серому. Он остановился и тяжело дышал.

Подожли мужчины. Павлов наклонился над Михалычем, прислушался к дыханию.

— Живой, только без сознания. А неплохо придумал. Давай, Егор отцепляем ремни от ружей, и запрягаем собак. Если один Серый тащил Михалыча, то три собаки его легко повезут.

Примерно через час вся команда добралась до поселка, и направилась напрямик в медпункт. Михалыча занесли на руках. Он стонал, но не приходил в сознание. Фельдшер Игнатий, которого в партии называли «коновалом», поднес к носу Михалыча ватку с нашатырным спиртом. Михалыч дернул головой и открыл глаза.

— Нога-а-а, — простонал он, — кажется слома-а-ал.

Петрович с Егором раздели Михалыча, при этом валенок на сломанной ноге пришлось разрезать, иначе никак нельзя было его снять. Игнатий ощупал и осмотрел раненную ногу.

— Закрытый перелом, — сказал он, — сейчас наложу шину, а вы отправляйтесь к начальнику, — нужен санрейс. Возможно, потребуется операция.

Петрович пошел к начальнику, а Егор отправился домой.

— Точно пишут о преданности волков, — рассуждал он, — собака тоже преданная, но она бы сидела рядом с хозяином, или просто убежала за помощью. А Серый ведь догадался, что на морозе человек долго не протянет, и поволок раненого хозяина.

На следующий день, как по заказу отпустил мороз, и санитарный рейс вертолета уже до обеда забрал Михалыча в районную больницу, где он пролежал целый месяц.

Его Тайга и Серый все это время жили возле избушки хозяина. Петрович их там и кормил...

7.

После травмы Михалычу начальник партии предложил отдыхать на пенсии.

— Сколько тебе работать, — убеждал его Игорь Львович, — отдыхай уже. Пусть молодые работают. Езжай на родину и живи спокойно в благоустроенной квартире. Тебе, как репрессированному, обязаны предоставить благоустроенное жилье.

— Никуда я не поеду. Буду здесь свой век доживать вон со своими собаками. Надеюсь, не выгонишь с поселка. Жилье у меня есть, избушку сам строил. Ну а за продукты рассчитываться будешь ты или продавец Валентина, доверенность на деньги я тебе напишу.

— А ты хоть знаешь сколько у тебя денег? — спросил Львович, — Ты же полностью не получал, наверно, года три.

— Кажись, так, — согласился Михалыч, — я после больницы был у нотариуса и составил завешание, чтобы все деньги, какие останутся после моей смерти, передали детям сиротам.

— Ты, что это, Михалыч, умирать никак собрался? Рановато, однако.

— Где уж рановато. Подикось уже и девятый десяток скоро разменяю.

Так и остался Михалыч полноправным жителем геологического поселка. Хотя в самом поселке он по-прежнему бывал раз в месяц, да и то не долго. Он продолжал жить в тайге, охотиться и рыбачить. Летом он больше рыбачил, а осенью охотился. Зимой занимался охотой на песцов, соболей и лис, постоянно переходя от одного зимовья к другому.

За это время Тайга не один раз приносила ему щенят от Серого. Его псарня вновь увеличилась до четырех собак. Из которых две были смешанных кровей. Все его собаки были преданы своему хозяину, особенно Серый. И однажды он доказал свою преданность ценой своей жизни.

Случилось это по осени на самом дальнем зимовье. Михалыч со своими собаками держал путь на дальнее зимовье. По дороге он подстрелил козла, мясо посолил, часть сварил, а часть зажарил на костре. Накормил вволю собак, сам наелся и продолжил свой путь. Идти ему оставалось примерно часа четыре, когда он услышал шум лодочного мотора.

Лодка шла вверх по течению, туда, где находилось зимовье Михалыча.

— Вот и хорошо, — рассуждал он, обращаясь к бежавшему неподалеку Серому, — Когда придем, рыбаки уже растопят печку и сварят чай.

Когда до зимовья оставалось не более километра, Михалыч вышел на берег речки. В этом месте речка делала поворот, и можно было увидеть его зимовье. Возле зимовья не было видно лодки, и из трубы не поднимался дым.

— Значит, рыбаки ушли вверх по течению в район Джолакахских озер, — подумал он. Собаки побежали вперед, а Серый, как всегда, остался рядом с хозяином.

До зимовья оставалось метров тридцать, когда Серый рванулся вперед с грозным рычанием.

— Что там произошло, — удивился Михалыч, — если медведь, то почему не слышно Тайги с Верным и Диком.

Он вышел на чистое место. В этот момент услышал хлопок и на голову Михалыча посыпалась кора с лиственницы, под которой в этот момент он находился. Через мгновение Михалыч услышал грозное рычание Серого, еще один хлопок и душераздирающий крик человека. Затем все стихло, только было слышно слабое поскуливание смертельно раненого Серого. Михалыч выскочил на поляну возле зимовья и остановился, как вкопанный. В десяти метрах от зимовья лежал труп Тайги, немного в стороне Верного и Дика. А на пороге труп неизвестного мужчины с рваной раной на горле. Рядом лежал истекающий кровью Серый. Недалеко валялась винтовка с глушителем и охотничий нож.

«Так вот почему я не слышал когда погибли мои верные друзья,»- подумал Михалыч.

Он наклонился над Серым и погладил его.

— Спасибо тебе, верный друг, — у него по щеке стекала слеза, — прости, что не успел к тебе на помощь.

Серый закрыл глаза и вытянулся во весь свой рост.

Михалыч похоронил своих верных собак под лиственницей на берегу речки. После этого зашел в зимовье. Там было все перевернуто вверх дном. Осмотревшись вокруг, Михалыч забрал в рюкзак сухие аккумуляторные батареи и бутылку с керосином. Потом он вышел на улицу под навесом забрал топор и капканы.

«А где же лодка, — подумал Михалыч, — или этот бандит был не один и нужно ждать возвращения лодки».

Он не стал испытывать судьбу и, попрощавшись со своими собаками, отправился на базу партии, куда пришел через три дня.

Первым делом Михалыч направился к начальнику партии.

— Здравствуй, Львович, я пришел чтобы предупредить: в тайге появились бандиты. На моем зимовье, что на Джолакахе, один положил всех моих собак вместе и Серого. Но и сам погиб от зубов волка. Сообщи куда следует.

Через несколько дней Михалыч снова ушел в тайгу. С собой он взял Тайфуна у Павлова Бориса Петровича. Тогда мы видели Михалыча в последний раз. А через месяц Тайфун вернулся из тайги измученный и худой. Милиция и прокуратура на вездеходе и вертолете обследовали все участки, где жил и охотился Иван Михайлович Орлов, но все без результата.

Куда делся Михалыч, так никто и не узнал.

Автор рисунка:

Анетта Скоробогатська

Выбор читателя

Рубрика «Выбор читателя» давно уже стала традиционной. Однако на голосование обращали внимание не все наши читатели, так как в самой газете мы приводили только результаты его. С этого номера было решено оповещать читателей о начале голосования на страницах газеты.

Тексты этой рубрики появятся в 19 номере газеты, в июне. На голосование отводится 1,5 месяца. Итак, на голосование на этот раз выставлены следующие тексты:

Проза:

Антон Лукьянов	<u>Шоссе</u>
Мария Ожегина	<u>Сильна, как солнце</u>
Андрей Ветрович Стерхов	<u>Изменение 52</u>

Стихи:

Кирилл Сорокин	<u>Как любим мы беседы ни о чем</u>
Кирилл Сорокин	<u>Девушка с букетом хризантем</u>
Кирилл Сорокин	<u>По мерному кружению Земли</u>
Кирилл Сорокин	<u>Я пройду по весенним улицам</u>
Лариса Васильянова	<u>Давным-давно</u>
Натали Зеленоглазая	<u>Сбежать</u>
Натали Зеленоглазая	<u>Твой личный Ад</u>
Риммристая	<u>Время - лекарь иль инквизитор</u>
Риммристая	<u>Время отпускать своих птиц</u>
Евгений Лесик	<u>Небеса на осколки разбились</u>
Александр Бурджуан	<u>Случается, строки</u>
Денис Давыдов	<u>Жаль</u>
Харитон Львов	<u>Сувенир</u>
Харитон Львов	<u>Певчий парк</u>
Дарья Кошева	<u>Рыцарь моего сердца</u>
Дарья Кошева	<u>Нева стекает по линии жизни</u>
Дарья Кошева	<u>Я никто обыкновенное</u>
Валентин Смирнов	<u>Странное стихотворение</u>
Валентин Смирнов	<u>Страшный суд</u>
Дарья Иванова	<u>Царевна</u>
Мария Петрякова	<u>Тихонечко расту</u>
Анастасия Жиглова	<u>Если к тебе перегорели</u>

Проголосовать за понравившиеся вам тексты вы можете на любой из наших площадок:

На форуме газеты;

В группе Вконтакте;

На сайте proza.ru;

На сайте stihi.ru.

Контакты

Наш электронный адрес — gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта — <http://buk-journal.ru>

Адрес нашего форума — <http://buk-journal.ru/forum/>

Адрес нашей группы на сайте Вконтакте — http://vk.com/buk_journal

Адрес нашей страницы на сайте stihi.ru — <http://stihi.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашей страницы на сайте proza.ru — <http://proza.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашего блога — http://blogs.mail.ru/mail/gazeta_buk/